

Павло Грабовський

ОПОВІДАННЯ

В ТАЙГЕ

Уж за полночь. Мороз все крепнет и крепнет и, перевалив за 40°, чем-то тяжелым давит грудь, которой как-будто не хватает воздуха. Массы звезд на темном своде небесном льют на тракт и на облегшую его тайгу слабый свет; он, отражаясь от белого снега, толстым слоем укрывшего землю и повисшего тяжелыми кусками на ветвях деревьев, образует не то «светлую тьму», не то тусклые сумерки. Глядишь стоя, — и все погружено во мрак; нагнешься — предметы получают определенные и ясные очертания. В тайге все тихо; только изредка не выдержавшая тяжести снега ветка сломится и пронесется сухой, короткий треск. Вот на повороте тракта со стороны деревни показывается кошева, запряженная одной, но доброй лошадью. В широкой и глубокой кошеве сидят три фигуры, закутавшись, насколько это видно, в хорошие бараньи дохи. На дуге нет колокольчиков; конь идет шагом... все это — не добрый знак! Кто, как не «они» решатся втроем тащиться на одной лошади по длинному перегону и ночью выезжать из селения? Это специалисты по

части срезывания мест — чая, товара, — что попадет; они выехали на работу.

Кошева проехала с четверть версты и вдруг свернула с тракта в тайгу; через 30–40 сажен она остановилась за купой молодого сосняка и все трое вылезли из неё и пошли обратно на тракт.

— Какой обоз? — спросил один шепотом.

— Телятниковский.

— Мужик не дурак! Однако не даст.

— Потребуем! Вчерась у него-ж тальковские добыли. Цсс...

Вдали послышалось слабое звяканье бубенчиков и тот ритмически правильный звук, какой идет от мерного хода обозных лошадей.

— Однако коней шестьдесят будет.

— Не знаю! Ложись.

Все быстро скинули дохи: с ног до головы они были закутаны в простыни и казались на темном фоне черной тайги привидениями в саванах. Белые костюмы составляют обычный стратегический прием у трактовых «охотников за местами»: одно — они не так выделяются на белом фоне и потому безопаснее подходить к обозу, другое — при преследовании они падают в снег, смешиваются с ним по цвету, и тогда найти их без огня очень трудно; да ямщики долго и не ищут, зная по опыту всю тщету и даже опасность этих поисков.

«Охотники» припали к земле близ самой

дороги, и взор напрасно искал бы их в снежном покрове тракта.

Звуки идущего обоза становились все слышнее; вот уж завиделась «голова» — передние сани, на передке которых, в виде обозного знамени возвышался шест с крашеной всеми цветами четырехугольной рамкой, увешанный лентами, колокольчиками и бубенчиками; рядом с ним — как-будто кнут: на рукоятке в аршин длины прикреплен цепочка вершков в 8 с железным шаром, с шипами на конце. Это было страшное оружие, которым запасаются почти все обозные ямщики в дороге. Горе тому, кто попадет под удар его! Им можно, кажется, перебить железный рельс.

Возле шеста с рамой, свернувшись в клубок, спит или притворяется спящим, обозный староста; но возле его головы торчит что-то; это ствол берданки, которую он держит в руках. За первыми санями несколько пустых; потом опять ямщики и тоже спят по-видимому; еще тоже неподвижная фигура. Позднее время, видимо, взяло свое и сон сомкнул глаза.

Мерной и ровной «ступью» идут привычные лошади; некоторые на ходу едят овес из нарочито приспособленных к передним саням сум; другие двигаются, понунив голову, но каждый конь, привязанный к передним саням, непременно ступит

там, где ступил предыдущий и потому движение обоза совершается точно машиной.

Вот уже середина обоза: целый ряд никем не стерегомых саней. Самый удобный момент — подбежать, обрезать привязи, вывести сани из линии, завернуть в тайгу, а там уж легко будет переложить в свою кошеву, а ямщичью лошадь бросить на произвол судьбы. На что она? Только хлопоты!

Со снега безшумно встали три фигуры. Быстро и ловко они очутились на санях; в миг-два срезали обе привязи, а третий уже сводил в сторону лошадь. Но ямщики не спали, а притворились спящими; они сами в свою очередь устроили засаду, так как это место тракта издавна слыло опасным.

Не успел «охотник» и двух шагов сделать в сторону, как вдруг пронесся свист еще, еще и десяток темных фигур спрыгнули с саней и бегом кинулись к центру обоза, где шла «срезка». Два резавшие привязи уже при первом свисте сообразили в чем дело и быстрым бегом кинувшись к тайге, попадали в снег и сделались невидимыми. Третий не был так счастлив: кто-то догоняя зацепил его кистенем по голове и сорвал белый убор, так что, когда он упал, то в снегу ясно виднелось черное пятно его головы.

Ямщики кинулись на эту приметку и скоро две